
Андрей Тусичишный*

ПАРОДИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

При изучении текстов русской классики, особенно Достоевского, возникает вопрос о том, связана ли пародия только с категорией комического? Еще Ю.Н. Тынянов писал, что «окончательно упрочившееся у нас представление о пародии как о комическом жанре чрезмерно сужает вопрос и является просто нехарактерным для огромного большинства пародий»¹. Обеднение понятия заставляет нас смотреть на пародию под одним лишь углом зрения: «Пародия — это комический образ художественного произведения, стиля, жанра»².

Как известно, в произведении существует несколько уровней: идейный, сюжетно-фабульный и образный. Связь пародии с идейным уровнем произведения показывает, что пародия рождается из иронической полемики между двумя авторами, между автором и его героями (что особенно характерно для полифонического романа Достоевского) или между героями. Пародия не всегда комична, но всегда предполагает полемику, обычно с долей иронии. Так, к идейному уровню мы относим способность пародии устранять односторонность точек зрения; она помогает в трагическом видеть комическое, а в комическом — трагическое. На сюжетно-фабульном уровне: «полная подмена в сюжетной схеме действующей

* Тусичишный Андрей Петрович — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы Московского гуманитарно-экономического института.

щих лиц — героических ничтожными <...>; широкой сцены событий — мелкой <...>; перемена ситуаций внутри контрастной сюжетной схемы <...>»³. Но чаще всего пародия в виде комического образа выполняет следующую функцию: «лица остаются те же и на своих местах, но их высокие действия по отношению друг к другу низводятся на совсем другую плоскость <...>»⁴.

У каждого автора есть свой арсенал пародийных приемов для различных уровней текста произведения. При этом под приемом пародии у Достоевского мы понимаем, во-первых, искажение мотива, превращение его в своеобразный рефрен; во-вторых, это апелляция художественного образа к иному, нежели привык читатель, идейному полюсу, то есть снижение высокого (например, Раскольников, идя на преступление, думает об устройстве фонтанов) и возвышение низкого (трагизм «пьяненького» Мармеладова). У Достоевского именно с помощью пародии выражается авторская точка зрения.

Для Достоевского пародия — один из самых распространенных приемов создания текста. Именно это, на наш взгляд, позволило писателю стать самым современным из классиков в XX веке. В своеобразном постмодернистском понимании текста романа «Преступление и наказание» — как пародии — художником Михаилом Шемякиным сделаны иллюстрации в конце 1960-х годов (находятся в Санкт-Петербурге в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского)⁵. Так, на одной из них мы видим встречу Раскольникова со старухой перед убийством. Художник, обыгрывая текст, гиперболизирует рост Раскольникова («ростом выше среднего») и процентщицы («крошечная, сухая старушонка»). Особенно хорошо эта диспропорция позволяет почувствовать взгляд Раскольникова сверху вниз и нависающие его беспокойные руки. Они словно гипнотизируют ее, готовятся ее задушить. Шемякин отметил, как, рисуя портрет старухи, Достоевский многие детали видит глазами Раскольникова, будущего убийцы, — ее слабость, ее «тонкую и длинную шею».

Художник изменил головной убор Раскольникова. У Достоевского Раскольников — это герой-романтик в его романтической немецкой шляпе. А у Шемякина он — в фуражке (как мастеровой или студент), пришедший экспроприировать буржуазию. На старухе нет головного убора. «Старуха, как и всегда, была простоволосая. Светлые с проседью, жиденькие волосы ее, по обыкновению жирно смазан-

ные маслом, были заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке» (6; 63). Отсутствие головного убора — признак незащищенности персонажа.

На другой иллюстрации встреча Свидригайлова, после смерти Катерины Ивановны, с Соней, когда он принес ей деньги для детей. На переднем плане две фигуры: Соня в модной шляпке стоит, прижав руки к груди и закрыв глаза, слегка изогнувшись, откинувшись назад. А перед ней, сняв шляпу, стоит Свидригайлов, кладя деньги на тумбочку. Сзади него закрытая дверь с торчащим ключом. (Большую роль в «Преступлении и наказании» играют символы двери, ключа.) Сравните: «Соня также вскочила со стула и испуганно смотрела на него. Ей очень хотелось что-то сказать, что-то спросить, но она в первые минуты не смела, да и не знала, как ей начать» (6; 385). На заднем плане Шемякин оставил только одну деталь: картину с изображением Амура и Психеи, причем Психея слева, Амур справа — в тон всему настрою сцены. Шемякин увидел пародию в сниженном пафосе сцены: ведь Свидригайлов благодетельствует деньгами, украденными им у жены.

Образ Свидригайлова, раздающего деньги и помогающего семье Мармеладовых, — это пародия на идею Раскольникова «преступить» и сделать затем «тысячу добрых дел». Вообще каждому из героев деньги на самом деле не принадлежат. Это чужие деньги, нажитые обманом, мошенничеством, преступлением. Свидригайлов раздает деньги Марфы Петровны, в смерти которой он виновен. Раскольников готов осуществить свои планы, предполагая украсть. Не праведны деньги Лужина. Именно этот герой, также на словах желающий «осчастливить» не тысячу, но хотя бы одну бесприданницу Дуню, помогает Раскольникову понять, что и он в своем желании помочь людям на самом деле стремится к власти над ними. Лужин — пародийный двойник Раскольникова, его «теория» — пародия на идеи Раскольникова. «<...> теория Лужина — кривое зеркало идеи Раскольникова; в лужинской теории “целых кафтанов” предвосхищена, обнажена и лишена трагического ореола истинная причина, по которой Раскольников делит людей на два разряда: “...возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано <...>”. В этих словах не вся правда о Раскольникове, но та важная часть правды: желание самоутвердиться, доказать свое избранничество, прикрываясь желанием добра и “болью” за человечество»⁶.

Рассмотрим, как на идейном уровне проявляется в тексте пародирование основного концепта произведения — «теории» Раскольникова. Мы считаем, что идея Раскольникова пародируется в образах Мармеладова, Лужина, Свидригайлова, Порфирия Петровича и других основных героев, позволяя автору незаметно участвовать в диалоге, выражать усиливаемую им оценку «идеи».

Образ Раскольникова пародирует портрет утописта. «Утопист — это всегда критик, бунтарь, порою еретик, который не может, не хочет мириться — пусть только в мыслях — со своею участью, с участью окружающих его людей, с участью, уготованной — как он ее видит — человечеству. В утописте всегда заложено мессианское начало»⁷. В своей статье Раскольников «намекнул, что “необыкновенный” человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» (6; 199). У Раскольникова типичная идеология утописта: устранить все препятствия, которые мешают достижению светлой цели. Об этом ему говорит Порфирий Петрович: «Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... — будущий, разумеется, — да и давай устранять к тому все препятствия... Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... ну и начнет добывать себе для похода... знаете?» (6; 203).

Идея Раскольникова, деление людей на два разряда, пародируется еще задолго до того, как мы с ней знакомимся. Теория Раскольникова задает одну из главных оппозиций романа: «обыкновенный» — «необыкновенный», «тварь дрожащая», «вошь» и «властелин», «Наполеон», «право имеющий». В Раскольникове совмещаются необыкновенный человек и обыкновенный, Наполеон и тварь дрожащая. Такое раздвоение присуще и другим персонажам: и матери Раскольникова, и Дуне (вспомним их поведение при знакомстве с Соней), и даже Мармеладову. Мармеладов тоже делит людей на два разряда. Среди посетителей распивочной он выделил именно Раскольникова. «На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить» (6; 12).

Свое пьянство он оправдывает нищетой. Он тоже перестал служить, как Раскольников ушел из университета, не зарабатывает уроками. В вине он ищет не радости, а страдания. Раскольников, идя на преступление, тоже берет на себя страдание.

Другая оппозиция: герой индивидуалист — толпа. Теорию Раскольникова породила ненависть к «толпе», «черни», которая равнодушна к страданиям «униженных и оскорбленных» (вспомним его первый сон).

По Фрейдю, «сновидение представляет собой (скрытое) осуществление (подавленного, вытесненного) желания»⁸. Первый сон Раскольникова выражает подавляемое им желание убить старуху. Идея убийства охватывает его, как страсть, от которой он не в силах освободиться. Достоевский показывает, что в подсознании человека глубоко скрыта страсть к преступлению, даже такому страшному, как убийство. В этой страсти все: стремление отомстить, восстановить справедливость, помочь себе и близким. Но Раскольников боится осуществить это желание, поэтому во сне это делает вместо него Миколка.

Первый сон Раскольников в пародийной гротескной форме представляет его идею. Этот эпизод — символ, нагруженный множеством значений, отраженных в различных образах и мотивах. Можно даже назвать его центральным объектом пародии в художественной системе романа. Во сне Раскольников отождествлен, на наш взгляд, с Миколкой — мужчиной «еще молодым, с толстой такой шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом» (6; 47), а старуха — с «маленькой, тощей, саврасой крестьянской клячонкой» (6; 46). Здесь явная образная переключка. Миколка хочет сделать «тысячу добрых дел» — довести всех на своей савраске в рай: «Садись! Все садись! <...> всех повезет» (6; 47). Довести всех в рай на жалкой, никому не нужной савраске — эта идея Раскольникова в искаженном виде предстает в его собственном сне.

Эпизод разговора молодого офицера со студентом в трактире в сознании Раскольникова преломляется особым образом. Выясняется, что с савраской в его сне более отождествляется не старуха, а ее сводная сестра Лизавета. Достоевский сохраняет ту же диспропорцию: старуха, «такая маленькая и гаденькая, бьет (ее. — А.Т.) поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту» (6; 59).

В черновиках к роману Мармеладов «рифмуется» с образом савраски во сне Раскольникова, эти образы соединяет мотив страдания: «*Чинovníк с бутылкой*. “А разве я не страдаю. Она меня бьет. И я чувствую наслаждение. Ибо если б не была она меня, я бы был очень несчастлив”» (7; 83). Раскольников и сам сравнивает себя с «загнанной лошады»: «Где я был и как шел — ничего не помню. Я, однако ж, разделся и, весь дрожа, как загнанная лошадь, лег на диван и натянул на себя шинель. Затем забылся...» (7; 126).

Сцена смерти Мармеладова, задавленного лошадыми, также перекликается с первым сном Раскольникова и тоже пародирует его идею. В этом эпизоде савраску напоминает Катерина Ивановна, а Мармеладов, который «извел» жизнь своей семьи в кабаке, — старуху процентщицу, которая «чужой век заедает».

Второй сон Раскольникова — тоже пародия на его идею. Здесь смеющаяся старуха, которую бьет Раскольников, ассоциируется с савраской⁹.

Таким образом, автор не оставляет образу Раскольникова возможности подняться на трагическую высоту. Всякая такая попытка обречена на пародийное отражение в ряде других образов, которые не связываются автором на сюжетно-фабульном уровне, но легко ассоциируются на идейном уровне романа. Это не случайные совпадения. В целом теория Раскольникова пародирует основные идеи книги Макса Штирнера (1806 — 1856) «*Единственный и его собственность*», появившейся в Германии в 1844 году¹⁰. Н. Отверженный (Н.Г. Булычев) убедительно доказал, что Достоевский был хорошо знаком с книгой Штирнера, хотя ни разу не упоминает этого имени¹¹.

В 1840—60-е годы Штирнер со своими идеями крайнего индивидуализма имел в русском обществе огромное влияние. Во времена молодости Достоевского книга Штирнера обсуждалась в кружке В.Г. Белинского и находилась в библиотеке кружка М.В. Петрашевского¹². На одном из собраний кружка Достоевский, согласно его письменным показаниям во время следствия, сделал доклад «*о личности и об эгоизме*» (18; 120, 128). Возможно, темой его выступления была книга Штирнера. В 1850-е годы возник кружок «русских штирнерианцев». В 1860-е годы опять вспыхивает интерес среди русской интеллигенции, и особенно молодежи, к Штирнеру. Вероятно, с этим связан замысел Достоевского

написать большую критическую статью об эгоизме, относящийся к началу 1860-х годов (20; 153). Тема эгоизма становится одной из главных в таких произведениях 1860-х годов, как «Униженные и оскорбленные» (теория эгоизма князя Валковского), «Записки из подполья» (философия «подпольного человека»), «Преступление и наказание». Книга «Единственный и его собственность» оказала также большое влияние на дальнейшее творчество Достоевского: романы «Бесы» (возможно, из трактата Штирнера взяты такие понятия, как «человекобог» и «богочеловек»), «Подросток», «Братья Карамазовы». Несомненно, Достоевский очень хорошо знал книгу Штирнера, тонко разбирался в его сложной философской системе. Загадка, почему он о ней никогда ничего не высказывал. Н. Отверженный объясняет это тем, что имя Штирнера для Достоевского было чем-то очень сокровенным, его «подпольем», его тенью. «В его облике автор “Бесов” видел собственное отражение, двойника своего философского бытия»¹³ Сам Штирнер очень похож на героев Достоевского. По словам исследователя, он «рыцарь одной идеи, всецело его поглотившей <...>»¹⁴. Достоевский в образах героев пародирует следующие идеи: разделение человеческого общества на победителей и побежденных, с благоговением исполняющих свои подчинительные роли; идею о «праве» преступника — существует ли то, что мы называем преступлением и соответственно наказанием, какую роль играет религия, что такое нравственность, совесть, закон, все ли можно решить силой. Имеются обширные текстовые аналогии между книгой Штирнера и романом Достоевского по вопросам свободы и морали для «сильного человека», причем другие герои романа подвергают эти положения осмеянию, заставляя Раскольникову снова и снова переоценивать свою теорию.

Штирнер, изображая нищенское положение человека, пишет: «Когда до моего обоняния доносятся из дворцовой кухни аппетитные запахи вкусных блюд, то рот мой, съедая свой сухой хлеб, ощущает это, как мучительное лишение; когда глаза мои говорят натруженной спине о мягких пуховиках, на которых приятнее лежать, чем на смятой соломе, то мною овладевает затаенная ярость»¹⁵. Раскольников рассказывает Соне: «Я вот тебе сказал давеча, что в университете себя содержать не мог. А знаешь ли ты, что я, может, и мог. Мать прислала бы, чтобы внести, что надо, а на сапоги, платье и на хлеб я бы и сам заработал; наверно! Уро-

ки выходили; по полтиннику предлагали. Работает же Разумихин! Да я озлился и не захотел. Именно *озлился* (это слово хорошее!). Я тогда, как паук, к себе в угол забился. Ты ведь была в моей конуре, видела...» (6; 320).

Что Раскольников имеет? Нищету, каморку, давящий потолок... Что Раскольников хочет иметь? Избавиться от нищеты, кончить университет, выбиться в люди, помочь матери и сестре? Ничего подобного. Он хочет иметь власть: «Я догадался тогда, Соня, — продолжал он восторженно, — что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее» (6; 321). Штирнер тоже советует овладеть этим миром: «Свою свободу относительно мира я обеспечиваю себе тем, что присваиваю себе этот мир, т.е. “захватываю и занимаю” его для себя, каким бы то ни было насильем, силой убеждения, просьбы, категорического требования, даже лицемерия, обмана и т.д., ибо средства, которыми я для этого пользуюсь, сообразуются с тем, что я собою представляю»¹⁶. Эгоист — это «захватчик», он стремится «захватить» все, что ему нужно. «Этим объявлена война всех против всех. Я один определяю и решаю, *что* мне нужно»¹⁷. Штирнер сравнивает такого завоевателя мира с Наполеоном: «Однако кто умел раздобыть то, что ему нужно, всегда и получал, что хотел. Наполеон, например, получил континент — сильную Европу, а французы — Алжир»¹⁸. Подобным образом решает свою задачу Раскольников: «Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-то смешная старушонка, регистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом “вопросе” я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!..» (6; 319). Не без «черного юмора»

Достоевский изображает, как Раскольников, идя на преступление, думает об устройстве фонтанов: «Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь» (6; 60). Это идет будущий Наполеон, задача которого пока — убить и ограбить старуху. При этом ему нужны были, конечно, не ее деньги. Разве трудно предположить, что Раскольников, овладев деньгами старухи, стал бы вскоре снова нищим, так как деньги быстро таяли бы в его руках.

Преступление Раскольникова — это акт самоутверждения. В разговоре с Соней Раскольников подчеркивает, что совершил преступление «для себя <...> для себя одного»: «Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!..» (6; 322). Аналогичным образом рассуждает Штирнер: «Поэтому мое отношение к миру таково: я ничего не стану больше делать для него “во имя Бога”, ничего и “во имя человека”, и то, что я делаю, то делаю я “ради себя”»¹⁹. В таком же контексте образ паука, один из ключевых в романе, употребляется и в трактате Штирнера: «Не будучи достаточно сильным, чтобы определенно и неослабно служить *нравственности*, и еще не довольно беспощадным, чтобы жить совершенно *эгоистически*, дрожит он в паутине притворства, склоняясь то к одному, то к другому, и ловит, ослабленный проклятием половинчатости, только глупых, жалких мошек»²⁰.

Штирнер рассматривает человеческую жизнь как «неизбежную борьбу за самоутверждение» и делит всех людей на победителей и побежденных: «*Победить или пасть* — между этими двумя противоположностями колеблется исход борьбы.

Победитель становится *господином*, побежденный — *подданным*: победитель приобретает величие и пользуется “правами величия”, подданный исполняет благоговейно и почтительно “обязанности подданного”»²¹. Подобным же образом Раскольников

тоже делит людей на два разряда: «...люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*. <...> первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. <...> Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонны к тому, судя по способностям. <...> Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего» (6; 200). Настоящие творцы новых принципов обновленной жизни всегда были бунтовщиками. Таким, например, был Христос. «Мы хорошо знаем того революционного новатора и непочтительного наследника, который уничтожил даже субботу отцов своих, чтобы освятить свое воскресенье, и остановил бег времени, чтобы начать собой новое летоисчисление. Мы знаем его и знаем, что он — Христос»²². Все великие — нарушители законов. Эту мысль утверждал и Раскольников: «Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь» (6; 199—200).

В романе поставлен вопрос: является ли преступление болезнью? Кто такой Раскольников — преступник или больной? Близкие, думая, что он больной, относятся к нему с состраданием. Еще в полицейской конторе сразу же после убийства он убедился в том, как может измениться их отношение к нему, когда они узнают, что он преступник. Штирнер иронизирует: «"Преступление" беспощадно "наказуется", а к "болезни" относятся с "любвеобильной мягкостью, состраданием" и т.п.»²³. Но связь преступления с болезнью в романе более глубокая. Раскольников, хоть и противопоставлен обществу, в котором живет, но он впитал его «яды и начала», его больная душа — отражение этого больного мира. Преступление было совершено в состоянии болезненного надрыва,

он сам вскоре, в минуту просветления, сознает, что это «ошибка». Подобно Штирнеру, он оказался в ловушке собственных идей.

Для Штирнера индивидуальное «я» — единственная реальность. «Штирнер не признает ничего трансцендентного, ничего независимого от субъекта. Он стоит на точке зрения солипсизма, т.е. признает, что все вещи и понятия, весь мир существует только во мне и через меня, весь мир есть мое представление и моя собственность <...> Я являюсь единственным критерием бытия и единственным критерием истины <...>»²⁴. Раскольников тоже можно назвать солипсистом, он утратил границу между сном и явью. Он — индивидуалист, действительностью для него является лишь его собственное «я», все остальное — «призраки», и он часто сомневается в реальности происходящего. «В самом деле, точно все это снилось» (6; 67). «Как во сне ему мерещилось давешнее» (6; 100). Если бы автор не показал, что именно Раскольников — убийца, мы бы этому не верили и считали, что он убил в воображении или во сне.

Свидригайлов спрашивает Раскольникова, верит ли он в привидения, и связывает явление привидений с болезнью. Вопрос о привидениях не без иронии поднят в книге Штирнера: «Видал ли ты когда-нибудь привидения? — Нет, я не видал, но моя бабушка видала...»²⁵. Раскольников, как и Штирнер, не верит в привидения. Но Свидригайлов верит, а значит, верит в существование потустороннего мира, который ему представляется в образе бани с пауками по углам. «Привидения», «призраки» — ключевые слова в трактате Штирнера. С точки зрения автора трактата, всё «призраки» — человек, Бог, преступление, наказание, право, государство, общество, семья. «Для разумного, т.е. “духовного человека”, семья как духовная сила не существует, и это выражается в отречении от родителей, сестер и братьев и т.д. Если же они “воскресают” как *духовные разумные силы*, то они уже совсем не то, что были прежде»²⁶. Автор иронизирует над Раскольниковым, когда он рвет с семьей: «Я хотел сказать... идя сюда... я хотел сказать вам, маменька... и тебе, Дуня, что нам лучше бы на некоторое время разойтись. Я себя нехорошо чувствую, не спокоен... я после приду, сам приду, когда... можно будет. Я вас помню и люблю... Оставьте меня одного! Я так решил, еще прежде... Я это наверно решил... Что бы со мною ни было, погибну я или нет, я хочу быть один. Забудьте меня совсем. Это лучше... Не справляй-

тесь обо мне. Когда надо, я сам приду или... вас позову. Может быть, все воскреснет!..» (6; 239).

Раскольников — сомневающийся нигилист, который хотел убедиться в том, существуют ли вообще преступление, наказание, нравственность. «Эгоист всегда утверждал себя в преступлении и высмеивал святое»²⁷. Он понял, что живет, как сейчас принято говорить, в криминальном мире, где существует определенный процент пьяниц, проституток и т.п., и этот процент может только увеличиваться, а не уменьшаться. Мир этот не переделать и труда на это не стоит тратить. Для того, чтобы делать добро, нужна власть над этим миром. Он это пытается объяснить Соне: «Что делать? Сломать, что надо, раз и навсегда, да и только, и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!» (6; 253). Аналогичным образом рассуждает Штирнер: «Если бы вы захватили в свои руки власть, свобода пришла бы сама собой. Взгляните, кто имеет власть, тот “стоит над законом”»²⁸.

Штирнер приравнивает право к силе. Каждый имеет право на то, на что у него хватает силы: «...то, чем ты в силах стать, на то ты имеешь *право*. Все права и все полномочия я черпаю в *самом себе*. Я *имею право* на все то, что я могу осилить. Я *имею право* низвергнуть Зевса, Иегову, Бога и т.д., если *могу* это сделать, если же не могу, то эти боги всегда останутся относительно меня *правыми* и *сильными*, я же должен буду преклониться перед их *правом* и *силой* в бессильном “страхе божием”, должен буду соблюдать их заповеди и буду считать себя *правым* во всем, что я ни совершу согласно *их праву* <...>

Я сам решаю — имею ли я на что-нибудь *право*; *вне* меня нет никакого права. То, что *мне* кажется *правым*, — и есть *правое*. Возможно, что другим оно и не представляется таковым, но это их дело, а не мое: пусть они обороняются. И если бы весь мир считал *неправым* то, что по-моему *право* и чего я хочу, то мне не было бы дела до всего мира. Так поступает каждый, кто умеет ценить себя, каждый в той мере, в какой он эгоист, ибо сила выше права — с полным на это *правом*»²⁹. Право в обычном смысле слова — это тоже призрак, сумасшествие. Человеку принадлежит все, что он может добыть себе силой. «— Я догадался тогда, Соня, — продолжал он восторженно (Раскольников. — *А.Т.*), — что власть дается только

тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывал! Никто! Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел осмелиться и убил... я только *осмелиться* захотел, Соня, вот вся причина!» (6; 321).

Штирнер является убежденным апологетом силы. «Скалу, преграждающую мне путь, я обхожу до тех пор, пока у меня не наберется достаточно пороха, чтобы взорвать ее; законы данного народа я обхожу до тех пор, пока не соберусь с силами, чтобы уничтожить их. <...> Сильные люди всегда так поступали. Когда “смирненные” провозглашали какую-нибудь неодолимую силу своей повелительницей, поклонялись ей и требовали такого же поклонения от всех других, — тогда появлялся вдруг такой непокорный сын природы и низвергал боготворимую власть с ее недосыгаемо-высокого Олимпа. Он приказывал движущемуся солнцу остановиться, а земле непрестанно вращаться; “покорным” приходилось с этим мириться; он срубал священные дубы, а “покорные” дивились тому, что небесный огонь не пожирает его; он низвергал папу с трона Петра, а “покорные” не знали, как воспротивиться этому; он разрушает весь строй, основанный на “Божией милости”, а “покорные” только охают и, наконец, безуспешно умоляют»³⁰. Раскольников тоже отстаивает право силы. «Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают» (6; 147). «Потом я узнал, Соня, что если ждать пока все станут умными, то слишком уж долго будет... Потом я еще узнал, что никогда этого и не будет, что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить! Да, это так! Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, и кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет!» (6; 321).

«Единственный» Штирнера считает для себя все дозволенным и должен отказываться от исполнения своих желаний только в случае полного бессилия их осуществить. Он не будет останавли-

ваться в страхе даже перед убийством. «Я же сам даю себе право убивать, пока я сам того не воспрещу себе, пока я сам не буду избегать убийства, не буду бояться его как “нарушения права”»³¹. Принято считать, что для Раскольникова «все позволено», «нет никаких преград», нет греха. Но это не так. Лужина и Свидригайлова он воспринимает с отвращением. Достоевский показывает противоречивость Раскольникова. С одной стороны, он — моралист, когда это касается взаимоотношений его сестры со Свидригайловым или Лужиным, а с другой стороны, для него нет преступления, он «убил принцип». При этом надо отметить, что он «убил» вообще принцип, любой принцип, установленный религией или обществом. Противоречивость Раскольникова отмечает Свидригайлов: «Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонку можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку!» (6; 373). Штирнер пишет о том, что «свободен государственный преступник, бежавший в Америку, где его не может настичь правосудие его государства»³². Штирнер утверждает, что нет частной собственности, а значит, нет и кражи. То, что не принадлежит никому, не может быть украдено. «Имущество банкира я так же не считаю чужим, как Наполеон не считал чужими земли других королей: мы оба не боимся “завоевать” чужое, и выскиваем только средства для этого»³³. Однако Раскольников стремится поскорей избавиться от вещей процентщицы и начинает понимать, что есть деньги «те» и «не те», праведные и неправедные. Он объясняет Соне, что деньги, которые он отдал Катерине Ивановне на похороны, были «не те», не старухины.

В том, что есть преступления, виноваты прежде всего преступное государство и общество. Религия учит покорности и терпимости по отношению к государственной власти и поэтому ее поддерживает. Штирнер — противник всякой религии. Религия — призрак, привидение, одержимость. Все верующие — одержимые, сумасшедшие. Религия отнимает у человека полную, ничем не стесняемую свободу. Раскольников тоже считает, что Соня, надеющаяся только на Бога, — сумасшедшая, юродивая: «Но кто же сказал, что она не сошла уже с ума? Разве она в здравом рассудке? Разве так можно говорить, как она? Разве в здравом рассудке так можно рассуждать, как она? Разве так можно сидеть над гибелью, прямо над смрадною ямой, в которую уже ее втягивает, и махать рука-

ми, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности? Что она, уж не чуда ли ждет? И наверно так. Разве все это не признаки помешательства?» <...> «Юродивая! юродивая!» — твердил он про себя» (6; 248). Однако и сам Раскольников одержим своей идеей.

«Никто не осмеливается спросить, — не есть ли сама нравственность лишь призрак?» — задается вопросом автор трактата «Единственный и его собственность»³⁴. Достоевский, как и Штирнер, считал основой нравственности религию. В «Записной тетради 1875 — 1876 гг.» Достоевский высказывался: «Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности» (24; 168). Однако Штирнер относился к этому отрицательно. Нравственность — это не только «призрак», но и одно из существенных препятствий для проявления воли «Единственного». Раскольников тоже пришел к полному отрицанию морали.

Штирнер иронизирует над совестью, остроумно называя ее «шпионом и подслушивателем», «внутренней толпой и внутренней полицией»³⁵. Студент, разговаривавший в трактире с офицером, считает, что убить старуху можно без угрызений совести. Однако совесть, присутствуя как бы за кадром, становится «внутренним наказанием» героя. Она преследует его в снах и наяву и в образе толпы («То казалось ему, что около него собирается много народу и хотят его взять и куда-то вынести, очень об нем спорят и ссорятся. То вдруг он один в комнате, все ушли и боятся его, и только изредка чуть-чуть отворяют дверь посмотреть на него, грозят ему, сговариваются об чем-то промеж себя, смеются и дразнят его» (6; 92)), и в образах отдельных персонажей: мещанина, подслушивающего Свидригайлова, Сони. Раскольникову вдруг страшно становится, когда ему начинает казаться, что Порфирий Петрович отпускает его на свободу: «Раскольников почувствовал прилив какого-то нового испуга. Мысль о том, что Порфирий считает его за невинного, начала вдруг пугать его» (6; 345).

Раскольников полагает, что общество не имеет права судить его: «В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что им скажу? Все это один только призрак... Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Плуты и подлецы они, Соня!» (6; 323).

«Говорят, что наказание — “право” преступника. Однако безнаказанность также его право. Если его замысел удался — он в

своим праве, а если не удался он ему — тоже поделом. <...> Если кто-нибудь с безумною отвагой подвергает свою жизнь опасности и при этом погибает, мы говорим: “Поделом ему, он сам того хотел!” Но если бы он преодолел опасности, т.е. если бы победила и одержала верх его *сила*, то он был бы тоже *прав*»³⁶. Эгоист должен во что бы то ни стало скрыть содеянное преступление. «Кто не обманул бы полицию, закон, кто не поспешил бы прикинуться невиннейшим обывателем при встрече с сыщиком, чтобы скрыть содеянное беззаконие и т.д.? Кто этого никогда не делал, тот, значит, допускал насилие над собою; его сделала *малодушным* его совесть»³⁷. Сравните: «Вот он (он кивнул на Разумихина) говорил сейчас, что я кровь разрешаю. Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, — чего же беспокоиться? И ищите вора!..

— Ну, а коль същем?

— Туда ему и дорога.

— Вы-таки логичны. Ну-с, а насчет его совести-то?

— Да какое вам до нее дело?

— Да так уж, по гуманности-с.

— У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему, — опричь каторги» (6; 203).

Если бы теория Раскольникова восторжествовала, она бы привела к разобщению людей, для которых нет ничего святого, к войне всех против всех, которая снится ему в эпилоге. После этого он окончательно отказывается от своей теории.

Автор иронизирует над Раскольниковым, который и на каторге не раскаивается в своем преступлении: «Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? — говорил он себе. — Тем, что он — злодеяние? Что значит слово “злодеяние”? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг» (6; 417). Он принимает на себя страдание, как это делали раскольники. И в конце приходит к основной идее раскольников-бегунов: нужно бежать от мира, которым управляет антихрист. «Спаستись

во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса» (6; 420). В этом и заключается его «прозрение».

Итак, «Преступление и наказание» пародирует книгу Штирнера. В романе штирнеровские идеи то несколько карикатурны, то, отражаясь в трагических эпизодах, в болезни главного героя, становятся социальными проблемами России. Сам Раскольников не карикатурный образ эгоиста. Черт, который «убил» старуху, — это русская действительность того времени.

На наш взгляд, интересно провести сопоставление двух финальных сцен: в романе Достоевского и «Евгении Онегине». Раскольников полюбил Соню в остроге, это в какой-то степени напоминает, как Онегин влюбился в Татьяну именно на балу, где она была первой, все ей улыбались и кланялись. Татьяна, не меняясь внутренне, стала «законодательницей зал», она загадка для света. Онегин падает к ее ногам, зараженный всеобщим поклонением. Евгений — убийца, как Раскольников, и Татьяна об этом знает, как Соня. И финалы романов открыты: как спасены оба героя и будут ли спасены вообще, мы не знаем. Достоевский, намеренно искажая реальный мир каторги, отношение каторжан к женщине (в чем его упрекал В. Шаламов), на наш взгляд, создает пародию на финал пушкинского романа в стихах.

Мы видим, как Соня стала любимицей «всей» каторги: «Не разреши́м был для него еще один вопрос: почему все они так полюбили Соню? Она у них не заискивала; встречали они ее редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тем все уже знали ее, знали и то, что она *за ним* последовала, знали, как она живет, где живет. Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала. Раз только, на Рождестве, принесла она на весь острог подаяние: пирогов и калачей. Но мало-помалу между ними и Соней завязались некоторые более близкие отношения: она писала им письма к их родным и отправляла их на почту. Их родственники и родственницы, приезжавшие в город, оставляли, по указанию их, в руках Сони вещи для них и даже деньги. Жены их и любовницы знали ее и ходили к ней. И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, — все

снимали шапки, все кланялись: «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!» — говорили эти грубые, клейменные каторжные этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться» (6; 419). Именно это обстоятельство, увлеченность всей каторги Соней (в противовес всеобщей зараженности «трихинами» разобщенности, приводящей человечество к гибели), привлекает внимание эгоиста Раскольникова. Впервые он смотрит на чужого ему человека, как на себя.

Человек спасается только любовью, то есть если он любил кого-нибудь в жизни. В этом смысле любовь спасла Раскольникова. Онегина тоже спасает любовь. Если Раскольников смог полюбить Соню, то он спасен. Пьяница Мармеладов, который перед смертью нес сахарного петушка детям, тоже спасен.

Мы показали в нашей небольшой статье, как можно искать пародийные сопоставления, зная точку зрения автора. И главное в том, что Достоевский видел в пародии как комическую, так и трагическую сторону и умел их совместить в одних и тех же художественных образах.

Примечания

¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 286.

² Новиков В.Л. Книга о пародии. — М., 1989. — С. 5.

³ Тынянов Ю.Н. Указ. соч. — С. 484.

⁴ Там же.

⁵ См.: Достоевский в конце XX века: Сб. статей / Сост. К.А. Степанян. — М., 1996.

⁶ Склейнис Г.А. «Двойничество» в аспекте системности художественного творчества Ф.М. Достоевского. — Магадан, 2002. — С. 20.

⁷ Баталов Э.Я. В мире утопии. — М., 1989. — С. 54.

⁸ Фрейд З. Толкование сновидений. — СПб., 1998. — С. 178.

⁹ Ср. иное толкование этого сна: «В сновидении не воспроизводится случайно убитая Лизавета, а воспроизводится и переживается только убийство старухи, которую он бьет топором по голове и не в силах убить, “ис-

требить" ее, и старуха и все окружающие смеются над ним, так как смешны его усилия истребить ее, он бессилен, смешон, т.е. импотентен, как смешны Свидригайлов и Ставрогин» (Ермаков И.Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. — М., 1999. — С. 422).

¹⁰ Н.Н. Страхов свидетельствовал, что Достоевский не читал по-немецки (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. — СПб., 1883. — С. 182). Однако писатель хорошо знал немецкий язык. В Главном инженерном училище у него был самая высокая оценка по немецкому языку. В письме к брату Михаилу от 9 августа 1838 г. он сообщает о том, что прочел в оригинале Гофмана и Гете (28, I; 51).

¹¹ Отверженный Н. Штирнер и Достоевский. — М., 1925.

¹² См.: Гроссман Л.П. Библиотека Достоевского: По неизданным материалам с приложением каталога б-ки Достоевского. — Одесса, 1919. — С. 11.

¹³ Отверженный Н. Указ. соч. — С. 74.

¹⁴ Курчинский М.А. Апостол эгоизма Макс Штирнер и его философия анархии. — Пг., 1920. — С. 41.

¹⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 2. — СПб., 1909. — С. 3.

¹⁶ Там же. — С. 15.

¹⁷ Там же. — С. 118.

¹⁸ Там же. — С. 118.

¹⁹ Там же. — С. 190.

²⁰ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 1. — СПб., 1907. — С. 255.

²¹ Там же. — С. 209.

²² Там же. — С. 216.

²³ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 2. — С. 105.

²⁴ Саводник В. Ницшеанец 40-х годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма. — М., 1902. — С. 63.

²⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 1. — С. 235.

²⁶ Там же. — С. 211.

²⁷ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 2. — С. 107.

²⁸ Там же. — С. 17.

²⁹ Там же. — С. 43.

³⁰ Там же. — С. 16.

³¹ Там же. — С. 43.

³² Там же. — С. 82.

³³ Там же. — С. 140.

³⁴ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 1. — С. 277.

³⁵ Там же. — С. 294.

³⁶ Штирнер М. Единственный и его собственность. — Ч. 2. — С. 48—49.

³⁷ Там же. — С. 14.